

Рецензия

на выпускную квалификационную работу магистра филологии **Татьяны Николаевны Малафеевской** «Житие Авраамия Смоленского как памятник литературы XIII века»

Тема, к которой обратилась Татьяна Николаевна Малафеевская, а именно, историко-литературное исследование «Жития Авраамия Смоленского» (ЖАС) по-настоящему **актуальна** и входит в современную проблематику средневековой русской литературы. Житийный жанр как один из основных в ней, очень долго не изучался со всей полнотой в советское время, даже обозначение «житие» было под негласным запретом. Сейчас происходит другой «перекос» – издание и комментирование агиографии стало делом по преимуществу внутрицерковным и зачастую мало научным. Однако в последнее десятилетие жития начали всерьез изучаться и издаваться с должной научной обоснованностью прежде всего Отделом древнерусской литературы Пушкинского Дома РАН, для которого эта тема – важный научный проект. В русле этой работы с использованием текстологического, археографического, герменевтического, источниковедческого, исторического и, конечно, литературоведческого методов лежит и рецензируемое квалификационное сочинение Т.Н. Малафеевской. Оно не только отвечает всем требованиям такого рода работ, но во многом превосходит их.

Работа состоит из Введения, трех частей (кстати, почему бы не назвать их традиционно главами?), Заключения и двух Приложений, помогающих раскрыть текстологические и археографические выводы автора. По сути, каждая из трех частей могла бы стать самостоятельным исследованием – столь много в них новых интересных наблюдений, замечаний, критических оценок материала и работ предшественников. Во **Введении** автор работы определяет ее цели: выяснить литературное своеобразие памятника и продолжить текстологическое изучение списков, начатое еще изданием С.П. Розанова в 1912 г. Одной из задач автора было также «привлечь не изученные еще списки Жития, соотнести их с предложенным Розановым делением списков, заново оценить выбор основного списка, дополнить сложившееся представление о бытовании Жития». Сразу отмечу, что Т.Н. были **впервые** выявлены и введены в научный оборот 11 новых списков этого памятника. Как видим, она обозначила свои задачи весьма скромно, но четко. Однако сам ход рассуждений Т.Н. и вырисовывающаяся по ним картина истории текста Жития, скрупулезное изучение работы над ним его создателя Ефрема, его источников, многие из которых **впервые** привлекаются Т.Н., показывают, что Житие Авраамия Смоленского – это литературный текст совсем особый, в частности, что это не простое якобы

«подражание» «Житию Феодосия Печерского» Нестора, как считал ряд его немногочисленных исследователей.

В **Части I** Т.Н. Малафеевская рассматривает ЖАС в историческом контексте эпохи, демонстрируя прекрасное владение сугубо историческим и источниковедческим материалом. Ею поднимаются вопросы о времени написания Жития, об изображении в нем Смоленска, его реалий. Привлекаются сведения из летописи, из источников по истории церкви, из новгородских берестяных грамот, из деловых документов. Т.Н. Малафеевская вступает в дискуссию с Ключевским, Буслаевым, разбирает аргументы еп. Макария, Филарета (Гумилевского), П.В. Голубовского и др., более современных исследователей, демонстрируя прекрасное владение историографией вопроса. Здесь же разбирается ЖАС как исторический источник и делается обоснованный вывод: «Ефрем не изображает историческую действительность, но стремится показать в нынешнем уже бывшее и одновременно предстоящее». Наиболее интересна в работе **Часть II.**, посвященная поэтике Жития. Очень убедительно доказывает Т.Н. Малафеевская, что его автор, Ефрем, сознательно меняет вектор изображения пути к святости своего героя – работая в рамках агиографического канона, он одновременно меняет его акценты, и это придает Житию совершенно особый вид так называемой литературности. Таким образом ход размышлений Т.Н. включается в проблему «агиография как литература». И это «как» делает ее работу особенно ценной. Мастерски проведенное исследование всех возможных источников Жития, их «перекодировки» Ефремом в связи с собственными авторскими задачами, наблюдения над символическим образным рядом и т.д. достойны самой высокой оценки. **Часть III** квалификационной работы Т.Н. посвящена текстологическим проблемам. Для того, чтобы читатель лучше разобрался в них, она приводит схему распределения вариантов разных редакций памятника, как ее видел С.П. Розанов, предлагает свое прочтение взаимоотношений между списками, во многом дополняя и уточняя исследователя. Конечно, остается еще немало текстологических вопросов, и об этом со всей долей ответственности пишет Т.Н. В **Заключении** даются основные выводы, которые не оставляют сомнений в том, что Т.Н. Малафеевской проведена большая серьезная работа, результатом которой явилось сочинение незаурядное, яркое, достойное если не целиком, то частично быть опубликованным в самых рейтинговых изданиях. Если же говорить о замечаниях, то они носят формальный характер и представляют собой скорее пожелания и дополнения:

1. Разбирая текст Похвалы Ефрема своему герою, Т.Н. Малафеевская справедливо отмечает мастерство Ефрема одновременно как агиографа, и как оратора. Говоря об авторских ремарках, Т.Н. утверждает, что в первой части Похвалы они

осторожны: «истинною реку тако, истинною рещи, по правде рещи», а во второй части ремарки уже более уверенны: «рцем, реку». Я же не увидела здесь особого отличия между этими выражениями.

2. Есть досадные стилистические погрешности: мне остался неясен смысл фразы: «Иной взгляд на Житие в историчности его различает художественность», также неудачно выражение «пройти в пространство самого текста».
3. На с.7 характеризуя известную работу В.Н. Топорова о святости, ссылка почему-то дается не на нее, а на работы Е.Л. Конявской. Кстати, в Библиографическом списке эта работа В.Н. Топорова названа не полностью.

Выскажу теперь уже не придирки, а некоторые дополнения и возникшие ассоциации. При комментировании фрагмента ЖАС, где речь идет о глубинных, голубиных книгах, можно вспомнить не только известную Голубиную Книгу духовных стихов, но и летописную статью под 1037 г. из ПВЛ, где книги сравниваются с реками, напоющими вселенную, и говорится, что они «исходища мудрости» – в них «неизмеримая глубина», т.е., глубина смысла и мудрости. В апокрифическом «Сказании о 12 пятницах» в восточном городе происходит спор между иудеями и христианами, который решается богословским поединком, когда мудрец-иудей и богослов-христианин прибегают к авторитету тех же «глубинных книг». Кажется, это выражение встречается и у Кирилла Туровского.

Еще одно соображение, возникшее при чтении рецензируемой работы. Приведенный Т.Н. текст граффити на стене храма на Протоке в Смоленске, прочитанный в свое время Б.А. Рыбаковым и скорректированный А.А. Зализняком, которое имеет важное датирующее значение для ЖАС и его исторического контекста, можно дополнить другим граффити в том же храме из раскопок Н.Н. Воронина и П.А. Раппопорта, которое представляет собой цитату из «Пчель», византийского сборника изречений. Это так наз. Сложение Варнавы неподобного. Текст таков: (он был прочитан и опубликован Т.В. Рождественской¹): «пчелы на звон летят, а мудрый на полезное слов тецет». Можно отнести эту запись уже не к соперничеству в княжеской среде, как в первом граффити, а может быть, к соперничеству (богословскому) среди духовенства, и в какой-то мере объяснить гонения на Авраама? Это только вопрос, притом пока риторический.

Наконец, еще одно соображение. К многим обнаруженным Т.Н. источникам Жития АС, на мой взгляд, можно добавить и «Слово о Законе и Благодати» митрополита

¹ Рождественская Т.В. Об одной надписи граффити из раскопок храма на Протоке в Смоленске // Средневековный человек и неговяят свят. Сборник в чест на 70-та годишнина на проф. Д.и.н. Казимир Попконстантинов. Велико Търново.2014. С.329-335.

Илариона. При описании ожидания родителями рождения будущего святого (здесь Т.Н. сопоставляет Житие Авраамия с Житием Евфимия Великого) говорится о долгом «неплодии» их матерей и божественной благодати, наконец дарованной в рожденном младенце. Общий лексический ряд рождает ассоциацию с ветхозаветной историей Сарры и (заметим!) АВРААМА, переданную Иларионом. Кроме того, и у него, и в ЖАС появляются выражения «новые люди», «избранное стадо». Молитва Ефрема напоминает молитву к Богу от лица всей русской земли в «Слове о Законе и Благодати», мотив похвалы «граду» Смоленску в первом случае и Киеву во втором (хотя он и не назван Иларионом) – также общий мотив для обоих памятников.

Итак, совершенно очевидно, что своей работой Т.Н. Малафеевская вносит существенный вклад в изучение русской агиографии старшего периода, что ЖАС должно теперь войти в ряд наиболее ярких и оригинальных произведений этой поры, и что само магистерское сочинение Т.Н. Малафеевской как глубокое научное исследование вне всякого сомнения заслуживает самой высокой оценки.

М.В. Рождественская,
проф., д.ф.н.

27.05.2015.